

„Erinnerungen“
Moskau-Leningrad, 1926

ский генерал, находившийся в этой должности, очень плохо справлялся с лежащими на нем обязанностями, за что и был однажды вызван для объяснений.

После ответа на заданные ему вопросы, которые рассердили Михаила Ивановича еще больше, — он ему сказал: — «Вы, ваше превосходительство, только и способны на то, чтобы раз в сутки выпалить из пушки.»

Выпалив это, командующий повернулся и ушел в кабинет.

В одну из поездок предстояла боевая стрельба из крепостных орудий Дубненского форта. Поезд подходил уже к станции Дубно, а командующий из своего купе не выходил. Любимец его, кондуктор «Трофимыч», доложил мне, — «Их высокопревосходительство еще не вставали, зовут вас до себя».

Вхожу, — Михаил Иванович лежит в хохлацком зипуне, заменяющем халат, и читает книгу. Думал, что ему нездоровится, — оказывается, нет. Докладываю, что прибыли в Дубно и командир корпуса ожидает его выхода из вагона.

— «А я не выйду», — хладнокровно заявляет мне мое начальство: «Выйдешь ты и скажешь ему, что я поручил тебе произвести смотр стрельбы». Что он этим обидел командира корпуса, ему было безразлично, тем более, что его ненавидел!

Не все анекдоты про Драгомирова бывали удачны и когда он о них узнавал — то не без основания сердился.

Военным министром был Куропаткин и начальником главного штаба Сахаров. Кому-то пришлось в голову сочинить, будто Михаил Иванович сказал, — что он не любит «куропатки с сахаром». Дошло это до него и он возмутился: — «Терпеть не могу, когда за мой счет сочиняют пошлости», заявил он.

В иллюстрированном листке пропечатан был про Драгомирова случай в Одессе. К нему подошел Бродский и отрекомендовавшись — добавил: «из православных». — «Драгомиров, тоже не из жидов», получил он в ответ.

Я показал Михаилу Ивановичу этот листок и спросил, — было-ли именно так.

— «Нет, не было», сказал он, — «но могло-бы быть».

* * *

Противоположные стороны характера Драгомирова имел случай испытать на своей особе Ренненкампф, впоследствии командующий войсками Виленского военного округа. Много всяких неудобных, залихватских коленец откалывал он, командуя в округе Ахтырским гусарским полком, которые сходили благополучно.

Наконец, однажды Михаил Иванович передал мне прошение полкового поставщика фуража, в котором тот просит понудить Ренненкампфа возвратить тысячу рублей, взятые им у него под расписку в долг. Я должен был вызвать командира Ахтырского полка и передать ему, что командующему войсками надоели все его проделки и если он действительно взял деньги, то чтобы немедленно их отдал.

Через несколько дней на прием явился сам еврей подрядчик и рассказал командующему войсками следующее: Ренненкампф его вызвал,

потребовал расписку, что деньги он получил и не имеет никаких претензий. Передавая одной рукой эту расписку, — другой рукой, одновременно, еврей получил деньги, — которые спрятал в боковой карман и застегнулся на все пуговицы. Это, однако, не помогло, потому что когда он спустился с лестницы, то во дворе два гусара пуговицы расстегнули и деньги у него отняли.

Это окончательно взбесило Драгомирова, и он приказал вызвать Ренненкамифа, которого, конечно, разделал под орех и приказал подать в отставку. Когда же сердце отошло, то Михаил Иванович согласился на то, чтобы он убрался из округа.

В Сибири была вакантна должность начальника штаба забайкальского казачьего войска. Ренненкамиф и был назначен туда, а это только способствовало затем дальнейшей его карьере.

* * *

В самом штабе Киевского округа не все было в том виде, как это было бы желательно. Продолжительная болезнь моего предшественника генерала Шимановского, в конце концов, привела к тому, что не было согласованной работы различных отделов штаба. Дельность и усердие начальников отделов не могли этот недочет восполнить.

В составе чинов штаба округа я нашел много моих учеников и знакомых, в том числе генерала Рузского в должности генерал-квартирмейстера, Маврина — дежурного генерала, Благовещенского — управления сообщений. Эти генералы были те три кита, которые составляли фундамент штаба. — Назначению своему они удовлетворяли, но в отношении пограничного округа крупным недочетом было их незнание с иностранными языками.

Генерал Рузский, не обладавший крепким здоровьем, был вместе с тем человек разумный и по письменной части очень работоспособный, несмотря на скверный почерк.

В бытность мою затем военным министром, когда Рузский командовал корпусом в Киеве, — я поручал ему уставную работу, — вместо образования затяжных и дорого стоящих комиссий в Петербурге. Помощником в этих работах он избрал полковника Бонч-Бруевича, вместе с которым я его нашел и в Варшаве, когда он командовал фронтом, отстаивая наши позиции по р. Висле, — в 1915 году. В Рузском я ценил человека, прекрасно знакомого с военным делом и способного к целесообразной, продуктивной работе. Деятельность его на войне ценилась высоко, хотя телесно крепок он не был, ему временно приходилось, по нездоровью, покидать ряды воюющих.

Поэтому для меня непонятно поведение его, в критическую минуту для верховного вождя русской армии, когда к последнему явилась депутация, вместе с Гучковым, с требованием отречения от престола.

Это произошло в районе, где Рузский был старшим военным начальником, — а потому по долгу присяги и службы на его обязанности лежала охрана священной особы Государя — всеми вооруженными силами, находившимися в его руках.

Но в этом смысле не только и попытки не было сделано, но он присоединился к мнению революционеров.

Должность дежурного генерала штаба округа обнимала обязанности

Suchomlinow, Wladimir Alexandrowitsch, (1848 – 1925), war Kais. russ. General der Kavallerie, 1908 – 1909 Chef des Generalstabes, 1909 – 1915 Kriegsminister, 1916 wurde er verhaftet, wegen der schlechten Vorbereitungen auf den Weltkrieg (1914-1918) und 1917 zu lebenslänglicher Haft verurteilt, 1918 aber wegen seines hohen Alters entlassen.

In seine „**Erinnerungen**“, **Moskau-Leningrad, 1926** macht er auch Ausführungen über die Generäle Dragomirow und *Pawel Karlowitsch Rennenkampff*.

Seine kurze Charakteristik zur Person von Rennenkampff enthält auch eine Begebenheit mit einem jüdischen Kreditor.

Ein Skandal mit einem jüdischen Kreditoren

... **Rennenkampff**, später Oberkommandierender über die Truppen des Militärbezirks in Wilna, hatte die Gelegenheit, die Auswirkungen des widerspruchsvollen Charakters von *Dragomirow*, bezüglich seiner eigenen Person zu erleben.

In der Zeit wo Rennenkampff das Oberkommando über das **Dragoner Husaren-Regiment im Bezirk Achtyrski** hatte, stellte er mehrere Dummheiten und ungeschickte Abenteuer an, die oft sehr unanständig waren, trotz allem immer ein gutes Ende fanden, es gelang ihm immer leichten Kaufes davon zu kommen.

Als einmal Michal Iwanowitsch Dragomirow mir einen Gesuch des Regiments Fourage-Lieferanten überreichte und der Letzte bat, den Rennenkampff zu zwingen, ihm die tausend Rubel, die er an ihn gegen Quittung ausgeliehen hatte, zurückzugeben, habe ich den Kommandeur des Archtyrski Regiments zu mir kommen lassen und ihm weitergegeben, daß seine ganzen Schelmenstreiche dem Oberkommandanten zuviel sind und, falls er in der Tat das Geld geliehen habe, möge er es sofort zurückgeben.

Einige Tage später erschien der jüdische Kreditor, (*Fourage-Lieferant*), persönlich beim Oberbefehlshaber und berichtete Folgendes:

Rennenkampff hätte ihn, den Kreditor, zu sich bestellt und von ihm eine Rückgabebescheinigung darüber verlangt, daß er das Geld zurückbekommen und somit keine Ansprüche mehr gegenüber Rennenkampff habe. Mit der einen Hand überreichte der Jude die Bescheinigung, mit der anderen nahm er das Geld entgegen, das er in tief der Innentasche seines Rockes versteckte und alle Knöpfe zuknöpfte. Das hat ihm aber nicht geholfen, als er die Treppe hinunter kam, packten ihn auf dem Innenhof zwei Husaren, knöpften seinen Anzug auf und nahmen ihm das Geld wieder ab.

Dadurch war die Geduld von Dragomirow endgültig geplatzt und er ließ General Rennenkampff zu sich kommen und putzte ihn kräftig herunter. Er empfahl, ihm dringend, den Dienst freiwillig aufzugeben. Später aber als seine Wut vorbei war und er sich beruhigte, war Dragomirow schließlich damit einverstanden, daß Rennenkampff sich heil aus dem Staub machen und aus seinem Militärbezirk verschwinden solle.

In Sibirien war glücklicher Weise zu der Zeit eine Stelle in der Leitung des Stabes der **Transbaikalischen Kosaken Armee** frei. Rennenkampff wurde dorthin versetzt und dieses hat seiner weiteren Karriere nur gut getan.